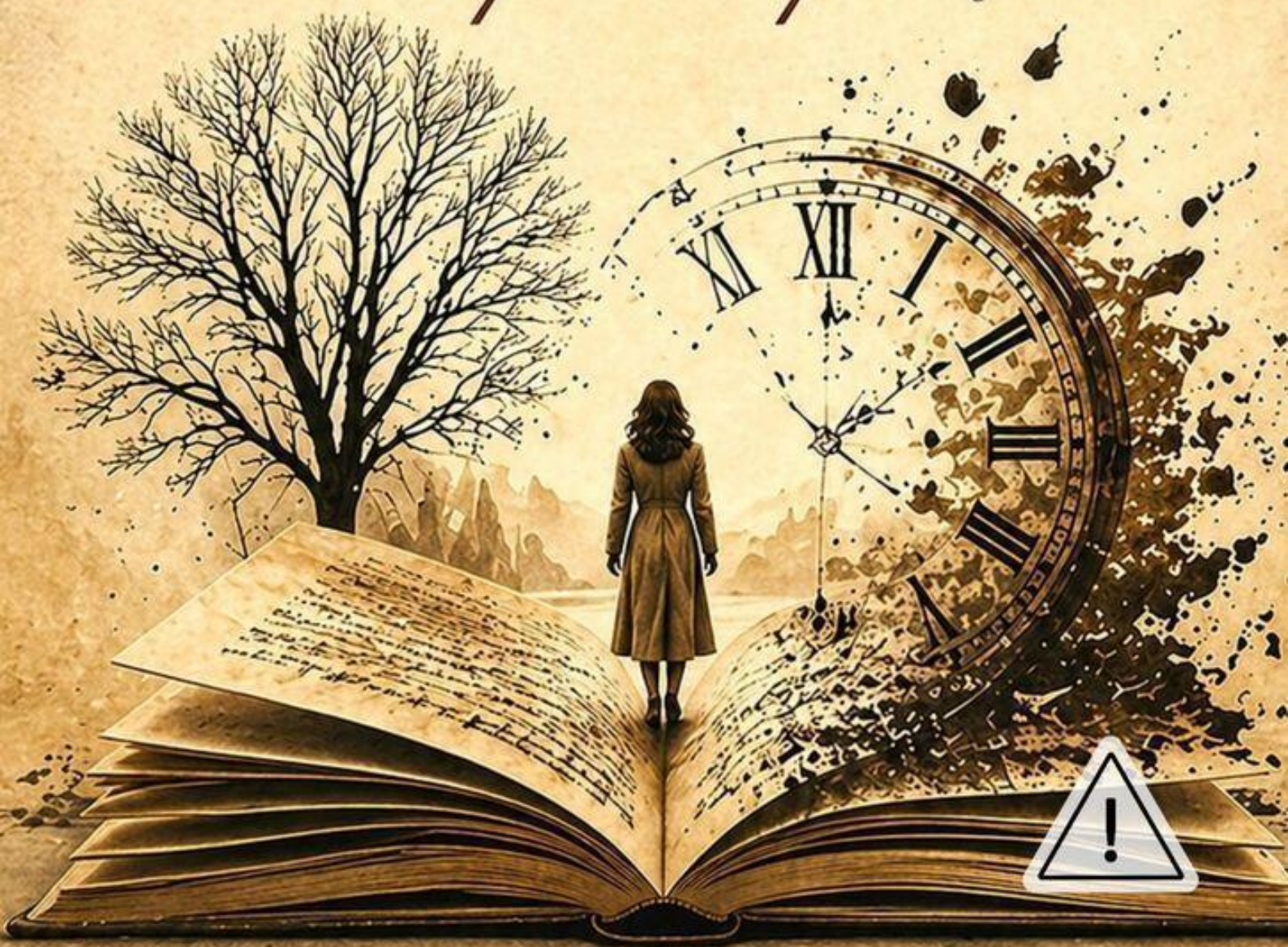

18+

Листая
мирику
времён...

Талара Воронцова

Тамара Воронцова
Листая лирику времён...

«Издательские решения»

Воронцова Т.

Листая лирику времён... / Т. Воронцова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В книге отражены времена года в жанре пейзажно-философской лирики. Помимо явлений природы в произведениях зачастую идёт осмысление внутреннего мира лирических героев, разнообразие их взаимоотношений с внешним миром. Нежный омут — обобщение стихов о любви. Память о детстве, негромкий голос бытия увлекают палитрой образов, глубиной мыслей, точностью деталей. Поэтическое Слово настоящей книги служит универсальным средством, которое сглаживает проблемы, дарит тепло и врачует души.

© Воронцова Т.

© Издательские решения

Содержание

Автор о себе	8
Лирика зимы	10
Декабрь	10
«Зябнет округа. Зима без границ ...»	10
«Сгущался серый воздух над селом ...»	10
«Осень поспешно простится и — в двери...»	11
«Дым из трубы и свет в окошках — ни дать ни взять — Саврасов зимний...»	12
«Упрочится зима, наращивая льды...»	13
«Заборы снегом заросли по грудь...»	13
«Глубокий вечер. Еле слышен летучий шорох декабря...»	14
«Декабрь перепуган, его настрой на слом ...»	14
«День качнётся...»	15
«Мир побелел — ушла под снег земля...»	15
«Выйдешь в утро поспешно — секунды скрипят под ногами...»	16
«Зима слегла надолго... Декабрит...»	16
«Снег шёл весь день, спасал от пустоты...»	17
«Просодия зимы — витает нежный снег...»	17
«На ледоставе будних дней...»	18
«Пронзительной глуши снегов белёных замять...»	18
«Большие крылья снежной птицы» ...»	18
«Старый выдохся — с охоткой удаляется со сцены...»	19
Январь	20
«Вот и снова январь, и ярится...»	20
«Катит зиму по России...»	20
«Январь ещё малой — наивный и досужий...»	20
«Зиме ещё мужать, но снег уже, как войлок ...»	21
«Накинув на себя морозные меха...»	22
«Январь диковат, в кутеже не умерен...»	22
«Зима в зените. Запредельный холод...»	23
«Простуженный январь. Душа на карантине...»	23
«Январское небо ясней в захолустье...»	23
«Ночь. Улица. Фонарь. Но без аптеки...»	24
«Опять кого-то Бог прибрал ...»	25
«Года свои всегда ношу с собою...»	26
«Утро ворошится. В петухах...»	26
«Отечество в размахе, без краёв...»	27
«В былое — удручающий визит...»	27
Февраль	29
«Порой наедине с собою мнится, грешной...»	29
«Февраль и утро. Снег и голубень...»	29
«Когда метельно и дворами...»	29
«Отпрянет от окна пугливый день ...»	30
«Молчит февраль — меланхоличен...»	31
«Душа, не печалься, грустить не пристало...»	31

«Приеду с рассветом (позволю каприз)...»	32
«Зима. Февраль. Ещё не тает снег...»	32
«Был февраль и вышел весь...»	33
«Пока скрипит перо с доверием к бумаге ...»	34
«Привереда-зима напоследок разгульна...»	34
«За окнами стыло. Картина...»	35
«Скользит по насту февральский вечер...»	35
«Продут сквозняками февраль...»	36
«Дни выходят за рамки клише...»	37
Весенняя триада	40
Март	40
«Мир перевёрнут, март настороже...»	40
«Зима разорилась, ушла с молотка...»	40
«Просторное утро, поют провода ...»	41
«Только выйдешь за дверь — ветер кубарем в ноги...»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Листая лирику времён...

Тамара Воронцова

© Тамара Воронцова, 2026

ISBN 978-5-0070-1525-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воронцова Тамара Николаевна

Автор о себе

Я та, которая из Адамова ребра. Но самодостаточна и независима. За плечами — более полувека. К жизни нашей нормативной отношусь с пониманием, уклад её упорядочен, но могу пересечь дорогу, несмотря на запрещающий сигнал, или засидеться до утра у монитора...

В людях мне импонируют отзывчивость, искренность, бескорыстие, тонкое чувство юмора; от хитрых и лживых стараюсь быть подальше. Люблю природу, особенно весеннее пробуждение земли, а также начало осени, её красочные мотивы. Люблю настолько, что она (природа) является отправной точкой во многих моих стихах, является средством отражения раздумий, переживаний, взаимоотношений с внешним миром.

Родилась я в России в поселке Магдагачи Амурской области в простой рабочей семье. Моё детство — это весёлая речушка Ольга, мама с папой и дорогие сестрёнки, земляника и красные саранки, лапта и коньки-снегурки, пионерские слёты и советские праздники...

Молодые годы проходили в городе Хабаровске, куда после окончания школы поехала поступать в технический вуз. Профессия инженера надолго определила дальнейшую судьбу, но любовь к литературе, поэзии, изящной словесности всегда волновали душу.

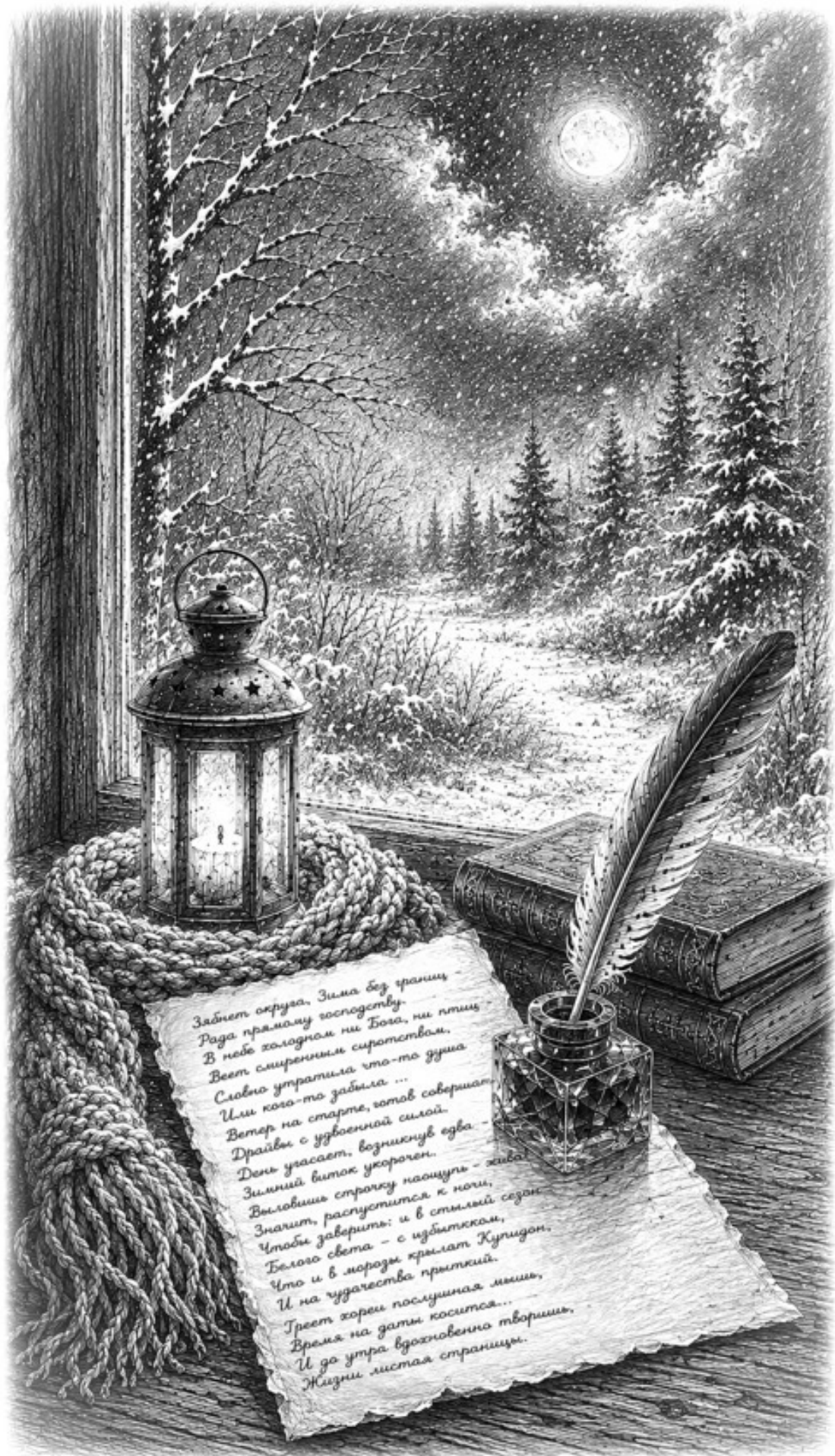
Мои зрелые годы — сыновья, карьера, установившийся быт, обретения и утраты... И во всём этом — неизменно рядом Поэзия.

Первые стихи пробовала писать в юности, но серьёзно занялась творчеством уже в зрелые годы. Чудная природа края оказывала влияние на тонкое восприятие жизни, приглашала к размышлению.

Интерес к человеку — его состоянию души, ощущениям и чувствам определили увлечения психологией и философией, а поэзия привела меня к Богу, дав понять, что все мы в этом мире носим частицу Его и связаны воедино.

Стихи пишу с 2009 года. Публиковалась в коллективном сборнике «Звездопад» (Москва, 2009), международном альманахе «Родники любви» (Ташкент, 2010), альманахе сетевой поэзии «Паутина» (Киев, 2010) и «Строкой отмерянных лет» (Киев, 2011), сборнике стихов «Ностальгия по настоящему» (Киев, 2013), сборнике стихов «Есть только миг» (Киев, 2014) альманахе «Амур» (Благовещенск, 2014), альманахе «Приамурье (Благовещенск, 2015), Сборник стихов и прозы «Есть у каждого из нас тайна» (Киев, 2016), литературно-художественном журнале «Европейская словесность» (Германия, Кёльн, 2017), альманахе «Амур» (Благовещенск, 2018), в девятом международном сборнике стихов и прозы интернет-сообщества «Артелен (Киев, 2019), в десятом международном сборнике стихов интернет-сообщества «Артелен» (Киев, 2020), альманахе «Домой! Магдагачи» (Ridero, 2025), а также на сайтах «Неизвестный гений», «Мирком», «Стихи. ру», «Рифма. ру», «Поэзия. ру», " В Контакте».

В настоящее время проживаю в посёлке Новобурейский Амурской области.

Лирика зимы

Декабрь

«Зябнет округа. Зима без границ ...»

Зябнет округа. Зима без границ —
Рада прямому господству.
В небе холодном ни Бога, ни птиц —
Веет смиренным сиротством,
Словно утратила что-то душа
Или кого-то забыла...
Ветер на старте, готов совершать
Драйвы с удвоенной силой.
День угасает, возникнув едва —
Зимний виток укорочен.
Выловишь строчку наощупь — жива!
Значит, распустится к ночи,
Чтобы заверить: и в стылый сезон
Белого света — с избытком,
Что и в морозы крылат Купидон,
И на чудачества пряткий.
Греет хорей послушная мышь,
Время на даты косится...
И до утра вдохновенно творишь,
Жизни листая страницы.

«Сгущался серый воздух над селом ...»

Сгущался серый воздух над селом —
Снег ожидался с северо-востока...
Соседский пёс метался мимо окон
И сипло тявкал где-то за углом.
Щетинился соломенным зверьком
Подщипанный стожок на стоговище
И слабый ветер, словно жалкий нищий,
Вокруг него слонялся под хмельком.
Покачивались ветки старых слив,
Усыпанные стайкой воробьиной,
Дымок печной спускался вниз, в лощину,
И день был непривычно молчалив...
И в этом ожидании глухом,
В томительной и мелкой канители

Седые хлопья первые летели,
Ведомые небесным пастухом.

«Осень поспешно простится и — в двери...»

Осень поспешно простится и — в двери...
Слепнут глаза от крошечного снега.
Словно горбатые куцые звери,
Жмутся сугробы к местам для ночлега.
Это зима...
Под волокнами хлопка
Млеет безмолвие прошлых историй.
Город по-прежнему в уличных пробках
И тротуары слезятся от соли.
Колкий сезон обоюдных молчаний,
Эхо молвы и бессилие света...
Это зима...
этот город печальный
Будет хранить драмы бывшего лета
И перейдёт на простуженный гомон
В круговороте пурги оголтелой.
Это зима...

это жизни — изломы,
Год ускользящий — тенью на белом...

**«Дым из трубы и свет в окошках — ни
дать ни взять — Саврасов зимний...»**

Дым из трубы и свет в окошках — ни дать ни взять — Саврасов зимний.

Вид неказистого пейзажа наполнен тайной колдовства,
Где чёрт калёной кочерёжкой сгребает звёзды в короб синий,
И, словно ревностные стражи, стоят у дома дерева.
Над крышей свет небесный брезжит, тускнеет месяц узколищый,
И в зябкой полночи стартует нечистой силы злая рать.
В разгул, когда буянит нежить, безумец разве что решится
За двери выйти в ночь глухую лукавых бесов погонять.
Но с безграничною отвагой, пренебрегая тьмой и стужей,
Начнёт живую переключку с житейским навыком петух,
И всю нечистую ватагу неодолимый стянет ужас
И станут корчиться комично, и превращаться в снежный пух...

«Упрочится зима, наращивая льды...»

Упрочится зима, наращивая льды,
Текущий день войдёт в очередную дату
И будет второпях просчитывать ходы,
Держаться молодцом до самого заката.
И вечер подойдёт, вменяемый вполне,
Глазами фонарей осматривая темень,
Покажется: вот- вот в протяжной тишине
Падёт желанный снег и подобреет время
И снимет, как нагар с оплавленной свечи,
Томление души и сердца перебои...
Но всюду тишь да гладь, и местный бог молчит,
И небо над землёй — глубокое, нагое.
И разместится ночь на всю длину тоски —
Такую только жечь рифмованным глаголом —
И он берёт строфу в незримые тиски,
В спряжении любом, в наитии весёлом,
В черновике готов подмигивать, остричь,
Горячую строку сухим остатком выдать —
И вот уже хандра пускает пузыри,
И по ночной тоске справляешь панихиду.

«Заборы снегом заросли по грудь...»

Заборы снегом заросли по грудь,
Колючий воздух целый день статичен —
Зима стоит в раздумье: затянуть
Потуже стужу или ограничить
Разгул стихии — снизить холода.
В селе под вечер пусто, безголоса,
Над каждой крышей — дыма борода
Кудрявится, подвижна и белёса
Без шалопутства ветра-ловкача —
Его порыв покажется излишним...
В такое время хочется молчать
И медленно листать словарь затишья.
Осмыслить скоротечность бытия
И мимолётность времени земного,
Избавиться от старого хлама,
Скопившегося в памяти бредовой.
Дивиться жизни и её простой
Греховной сути с ярлыком давнишним,
И принимать природы естество
Как таинство, творимое Всевышним.

«Глубокий вечер. Еле слышен летучий шорох декабря...»

Глубокий вечер. Еле слышен летучий шорох декабря,
Луна молочная над крышей, дымок трубы — живая прядь.
Глазами тронешь след лиловый случайно выпавшей звезды
И вычтешь время из былого, где швы немеркнувшей беды,
Где неприкрытые основы непредсказуемой судьбы —
И ощущаешь веский повод для очищающей мольбы,
Для постижения природы, когда заснежены виски,
И меньше воли и свободы, и больше неба. И тоски.
Зима утаивает веды, но в снежной роскоши её
Легко угадываешь меты — дальнейшей жизни окоём...
И от фантазий ночь светлее, и день влетает на ура,
И лёд осмысленности греет, и хватка «жить» ещё остра.

«Декабрь перепуган, его настрой на слом ...»

Декабрь перепуган, его настрой на слом —
С утра скандалит вьюга,

Снега стоят столбом...
Предполагалось молча с дистанции сойти,
Не завывать по-волчьи,
Пристойность соблюсти,
Но взбалмошная дама не в шутку, а всерьёз
Устроила бедлам и
Повышенный невроз —
Готова дерзновенно, как ярый бунтовщик,
Материю Вселенной
По клочьям растащить,
Не умалив нападки, усиливать свой глас
И в белой лихорадке
Лизать подошвы трасс,
Потом, пока заразу вконец не разнесло,
Обрушиться всей массой
На кроткое село —
И резко затаиться, почуяв гнев Творца,
И замертво свалиться
У нашего крыльца...

«День качнётся...»

День качнётся
И канет в кромешную темень,
И едва ли успеешь его разгадать —
Это время,
Земное повальное время
Без оглядки нещадно сминает года.
Простирается ночь,
Небо в звёздной щебёнке,
Там порядки свои при отсыпке дорог,
И для каждой души
Во вселенской сторонке
Намечает тропу предприимчивый Бог...
А земля — под снегами,
Зима необъятна,
До рассвета затишье владеет селом,
И безликое время над ним безоглядно,
Распадаясь на вечность,
Летит напролом.

«Мир побелел — ушла под снег земля...»

Мир побелел — ушла под снег земля
И трын-трава родимой глухомани.

К текущему падению рубля
Здесь безучастны, только змий в стакане
По кухням донимает королей
И правду-матку дурит самогонкой...
Глядит в окно зима навеселе,
Как разбитная вздорная бабёнка.
Для холодов открыто время Ч (е),
Снуют метели — злые бузотёрки,
И лечат беды у своих печей
Живучие российские задворки.

«Выйдешь в утро поспешно — секунды скрипят под ногами...»

Выйдешь в утро поспешно — секунды скрипят под ногами,
Каждый видимый выдох — мороза согретый глоток.
На снегу — иероглифы птиц заводных Мураками —
Расшифруй и узнаешь, чем ночью был занят восток.
Сколько глаз ни скользит по рельефу — сугробы, сугробы...
Расточительны зимы, гляди, — и тебя занесёт!
Как солдат на посту, коченеет фонарь меднолобый
И о русской пурге пишет хокку бессмертный Басё.

«Зима слегла надолго... Декабрит...»

Зима слегла надолго... Декабрит...
Холодный сумрак воспалён и кроток.
Смежая веки, дремлют фонари
В подвижной пелене снеговорота.
Сезон молчаний... Вычеркнуть стихи
Бессонницу послать куда подальше
И, если не замаливать грехи,
То уж хотя бы не касаться фальши...
Махнуть рукой на мнительную грусть,
Зарыться с головой в медвежий угол
И слушать, как за окнами игру
С наивным снегом затевает выюга.

«Снег шёл весь день, спасал от пустоты...»

Снег шёл весь день, спасал от пустоты
И одного хватило только вздоха
Зимы — понять, что всё-таки неплохо
Ей тешиться паденьем с высоты.
Мир на глазах от белизны немел,
И ощутить довольно было просто
И наше первородное сиротство,
И одиночество ухода за предел...

«Просодия зимы — витает нежный снег...»

Просодия зимы — витает нежный снег,
Хрустят строкой хорей и амфибрахий.
Метафоры мои стремятся к тишине,
Как после службы кроткие монахи.
Немая круговерть — рифмованной игрой,
От звонкой пустоты и весело, и тесно.
Беззвучие строфы. Молчание. Покой...

Но, Боже, упаси от пустоты словесной.

«На ледоставе будних дней...»

На ледоставе будних дней
Следы метелицы прибудной,
Сочится свет вечерний скудно
И растворяется в окне.
Висит ночная глухомань,
Окоченев, на зябких звёздах,
Зиме внезапной и морозной
Сдавая вынужденно дань.
Не спит, окутанная тьмой,
Моя измотанная память —
Возникший лик в оконной раме
Безмолвно просится домой...

«Пронзительной глуши снегов белёных замять...»

Пронзительной глуши снегов белёных замять...
Жизнь вызубрила сны родных и близких лиц.
Слюбались и живём, на журавлей не зарясь,
И смахиваем пыль с керамики синиц.
Но каждый божий год, когда сопреют зимы,
От застоялых вод избавиться спешим,
И, вглядываясь в клин, что пролетает мимо,
Мы сдерживаем вздох разбуженной души.

«Большие крылья снежной птицы» ...»

«Большие крылья снежной птицы» —
На каждый взмах — снеговорот...
Зиме неведомы границы —
За все пределы наметёт!
Читают белые монахи
Четверостишье наших рук,
И выпроваживают страхи,
И лихорадку старых мук.
И мы, ушедшие от боли
И от иллюзий лживых слов,
Готовы слушать вьюгу в поле
И песни снежных соловьёв.

«Старый выдохся — с охоткой удаляется со сцены...»

Старый выдохся — с охоткой удаляется со сцены,
Зацепить бы, да куда там — разве время умыкнёшь?
Погружается подлодкой в синий сумрак постепенно,
Архивируются даты — то ли правда, то ли ложь...
Бесконечные транзиты — дни, этапы и години,
Там, где гибельны минуты -прорастает новый миф.
Опечатать будний свиток прошлогодних дел рутинных,
На исход последних суток разливать аперитив...
Новый вселится неспешно в сети, в души, в зону быта,
Обоснованно заполнит каждый лист календаря,
А пока ещё безгрешный, но уже хмельной и сытый
Отсыпаться будет мирно в день дебютный января.

Январь

«Вот и снова январь, и ярится...»

Вот и снова январь, и ярится,
Словно кто-то его уязвил...
Собираешь тепло по крупицам,
Упреждая дальнейший посыл.
Жизнь — пробежка судьбы между снами.
Год минувший — в завальных снегах.
Ночь склоняет облущивать память,
И былое по лицам спрягать —
Протестуешь, бунтующим словом
Оживляя пустыню листа.
Стылый месяц точёной подковой
Приморожен к окну, чернота
Странных дыр бесконечной Вселенной
И дыхание долгой зимы...
Раздвигаются синие стены:
Над тайгой — бурым цветом дымы,
Слышно, как зазывает Синильга
В край безлюдный шальные ветра,
И над крышей законтрена шпилькой
Золотая звезда до утра.

«Катит зиму по России...»

Катит зиму по России
В белых яблоках январь...
Ожидание Мессии,
Колокольная молва.
Оборот снегопричастный,
Безглагольна неба стынь,
В храм стремящаяся паства,
Куполов святых кресты...
Вежа древняя нетленна:
Свет лазурный от яслей
И незримый знак Вселенной
У младенца на челе.

«Январь ещё малой — наивный и досужий...»

Январь ещё малой — наивный и досужий,
Но ошутимо жмёт — мороз стоит столбом.
Текущий день кряхтит под небывалой стужей,
Дежурит у окна, к стеклу прижавшись лбом.
Заснежен горизонт, за воспалённой кромкой
Протяжные снега нетронутым холстом.
Наохлилась душа, вздыхает втихомолку,
И делит дань судьбы на «было» и «потом».
А время по земле — самодержавным ходом,
Вселенной всё равно — какой сезон в строю.
И, вглядываясь вдаль в суровую природу,
Подыскиваешь смысл земному бытию.
Сочится божий свет сквозь полусон деревьев.
Плетение ветвей, меретка бахромы.
Безмолвие. Покой... и веет чем-то древним,
И божий мир молчит на языке зимы.

«Зиме ещё мужать, но снег уже, как войлок ...»

Зиме ещё мужать, но снег уже, как войлок —
Свалялся вдоль сквозных заборов и домов.
Мятежная душа притихла и довольна

Главенством тишины, засильем холодов.
А время, как всегда, пасётся в божьем мире
И хвойной лапой мнёт январский календарь.
От новогодних дат здоровье растрянжирив,
Готовится народ спускаться в иордань...
Заходит вечер в быт неспешными шагами,
Под палевой луной бледнеет темнота,
И дымные столбы стоят под небесами,
Над каждой избой, как свечи для Христа.

«Накинув на себя морозные меха...»

Накинув на себя морозные меха,
Невозмутим январь — ждёт выхода метели.
Глухая тишина. Отсутствие греха
И ледяной батист нетронутой постели.
Прижимиста зима, её скупой посыл —
Зачитанный словарь и анемия слова...
В режиме скуки — ночь и памяти послы
Перебирают все архивы из бывшего,
Где ворошатся дни с бедой накоротке,
В их сумраке больном душе скитаться слепо,
Но оживает ямб, топорщится в строке,
Готовый подобрать любые крохи света,
И ты уже строчишь, пришельцев распугав,
Пуская в свежий стих мятежные осадки:
На радость январю срывается пурга
И снег летит с небес без права на посадку...

«Январь диковат, в кутеже не умерен...»

Январь диковат, в кутеже не умерен,
И с норовом ветер — встаёт на дыбы,
Гоняет порошу, колотится в двери
И воет протяжно в утробе трубы.
Нещадные стужи — проверка на прочность,
И также на вшивость, как бает народ,
В плену даже время, но всё же — проточно
И рвётся пустить лютый холод в расход.
А жизнь копошится — кружение быта,
На дальних прогонах — загадки страны.
У ближних — нехитрые души открыты
Настолько, что все голошенья слышны.
Друзья тороваты, враги малохолльны,
Авось выручает в беде иногда,

И мы — среди них. И раскладом довольны —
За долгие годы привита среда.
Метелит по-русски. Зима в диссонансах.
Цитируем бесов из тома А. С...
И снегом летучим забито пространство
От самого дома до божьих небес.

«Зима в зените. Запредельный холод...»

Зима в зените. Запредельный холод.
Низины улиц — лежбище тумана.
В условном наклонении глагола
Частица «бы» фактически обманна:
Вот, если б, да кабы покинуть угол
И в тёплые податься бы широты
И нежиться под прелестями юга,
И поглощать фруктовые щедроты.
Ах, если бы... но подвернулся случай
Увы, иным, а нам — пока молиться,
Дышать невольно воздухом колючим
И от укусов стужи прятать лица.
Под вечер греться чаем с разговором
И наблюдать, как мёрзлое Светило,
Минуя гребни набожных соборов,
Спешит скатиться в лето, ближе к Нилу.

«Простуженный январь. Душа на карантине...»

Простуженный январь. Душа на карантине.
Невнятный лепет слов, набившихся в строку.
Зима грозит пургой, серчает без причины,
И память шелестит, подобно сквозняку.
Нерасторопный Бог напутал в судьбах что-то,
Меж нами рой снегов и заросли дождей...
У времени свои невроты, песни, счёты,
Не сговориться с ним — известный лиходей.
А день сужает взгляд. Преддверие заката.
До клейкого листка ещё полсотни вьюг.
Сойдёт с календаря очередная дата
И ледяная ночь потянется к жилью...

«Январское небо ясней в захолустье...»

Январское небо ясней в захолустье
И ночи вполне хороши.
Снимаешь нагар стеариновой грусти,
Врачуя ушибы души.
Синеет окошко в хрустальной оправе —
Витражные блики дрожат...
Писать бы о главном, да слово лукавит,
Теряясь в прямых падежах.
И без предисловий — на волю, на воздух,
Где запах ночной утончён,
Где в небе раскинутом шепчутся звёзды
И ты понимаешь — о чём.
И в этом прищуре правдивой Вселенной,
И в этом пространстве зимы
Почувствуешь остро, как жизнь сокровенна,
В которой не встретились мы...

«Ночь. Улица. Фонарь. Но без аптеки...»

Ночь. Улица. Фонарь. Но без аптеки.
Желтеет жидкий свет под фонарём.
У дюжего столба прохожий некий
Раскуривает трубку с январём —
О чём они там шепчутся, ей Богу,
В такую холодрыгу — не понять...
Посмотришь на блаженного, итогом
Закончится с бессонницей возня —
Хлебнёшь мороза, двинув без опаски
В ночную латифундию зимы,
Ни друга, ни врага в такой развязке —
Одни ледышки звёзд глухонемых,
Да купола небесного студёность
Над кронами озябших тополей,
И в этом микрокосме отчуждённом
Земную жизнь почувствуешь острей,
Её чудаковатую фривольность,
И связку с миром — сенсорную нить,
И то, как в этом мире малахольном
Мучительно прекрасно — просто жить!

«Опять кого-то Бог прибрал ...»

Опять кого-то Бог прибрал —
С утра собака долго выла.
Скупой на снег, смурной и стылый
Январь слонялся по дворам.
Притихли ветры-шатуны,
И подозрительно неспешно
Тянулось время, как насмешка
Над ожиданием весны.
И местный ветер ослабел —
Шептал невнятно... и лениво
Качал на ветках старой сливы
Шары-подвески из омел —
Ему ещё бывать лихим,
Зима взъярится до кончины,
А неуютный день — причина
Уйти по маковку в стихи.
Писать рифмуя — баловство,

Но жизнь мерещится обновой,
И белый лист, просящий слова,
Ждёт и предчувствует его...

«Года свои всегда ношу с собою...»

Года свои всегда ношу с собою,
Из времени не выскочить, увы.
Вот прошлое колючим сухостоем,
Вот день текущий в спешках деловых,
А вот и ночь с пронзительным прищуром
И стать зимы — надменной госпожи —
Всё оседает в сборник без цензуры
С названием коротким «просто жизнь».
Багаж весомый, если — о суммарном,
Уже не разгорается задор,
И на висках не тает снег коварный,
Таящийся под линией Color...
За окнами январь нудит устало,
Не слышен лай сторожевых собак,
Лишь громяют вдалеке составы,
Да месяц над землёю — жёлтый зрак
Незыблемым отеческим присмотром —
Душа робеет, грешная, под ним,
А ей успокоительно и бодро
Подмигивают звёздные огни...

«Утро ворошится. В петухах...»

Утро ворошится. В петухах
Стылое окно. Видны в просветах
Инеем обросшая ольха
И прохожих ранних силуэты.
Под ногами, хрупая снежком,
Тишину царапают секунды,
Ощутимо тянет сквозняком,
Свет сочится медленно и скудно.
И повсюду снежный разновес —
Нет зимой картины живописней.
Позади — мистерия чудес,
Впереди — побеги новой жизни.
Кажется, добреют времена,
Что-то непременно случится :
Иль врагами буду прощена,
Или грех сокрытый обнулится —

Так ли это, Господи ты мой? —
Не смуди сулящим экивоком...
Бродит по окраине глухой
Свежий ветер, прибывший с востока,
За селом немислимая ширь —
Бесконечна и благословенна,
И краснеет солнце, как снегирь,
На незримой веточке Вселенной.

«Отечество в размахе, без краёв...»

Отечество в размахе, без краёв,
Снега везде — от Фрише до Певека,
Зима не прочь свалиться в забытьё,
Но насмешить боится человека,
Так и гуляет павой по Руси,
Замешивая вьюги и бураны,
То вдовушкою скорбной голосит,
То веси лютой стылостью тиранит.
Дублённый холод. Всё бы ничего —
Сиди себе в нагретом печью доме,
Так, нет же, душу тянет в естество,
Где лоб от стужи леденящей ломит
И под ногами снежные коржи
Ломаются податливо без хруста —
Здоровый способ — мысли освежить
И прихоти прижечь морозом русским,
И, заглянув за грани бытия,
(За интерес авгуры не в обиде)
Среди недосыгаемых Плеяд
Судьбу похорошевшую увидеть.

«В былое — удручающий визит...»

В былое — удручающий визит...
Покая в этом не отыщешь, друже,
Смотри в «сейчас» — какой чудесный вид,
Повсюду вороха небесных стружек,
Морозный воздух будоражит кровь,
И слышно, как растёт на ветках иней,
Смыкая кружевные шапки крон
Причудливым рисунком снежных линий.
Обыденное утро бодрячком —
Сидит у дома — тайный вольнодумец,
Навстречу выйдешь — торкнется в плечо,

Нашёптывая новости из улиц,
Село спросонья тянется котом,
И выползают из футляров души,
И будущее где-то за углом
Уже сигналил февралём радушным.

Февраль

«Порой наедине с собою мнится, грешной...»

Порой наедине с собою мнится, грешной,
То божий парадиз, то пресловутый ад.
Уйдёшь к своим на небо это неизбежно,
И сколько не молись, дороги нет назад.
Всё чаще смотришь вспять, как истовый историк —
Архив судьбы весом, где прорва бывших лет,
И силишься понять подтекст при разговоре
С невидимым Творцом, его немой ответ.
Натруженная жизнь в иных ориентирах,
Стекает время с крыш неведомых глубин,
Поспешный век блажит и в сумерках кумиров
Едва ли разглядишь того, кто был любим —
Со временем не жаль затерянных героев —
Всему условность мет на избранной земле...
И прибывший февраль разительно спокоен,
И дышит тихий свет за окнами в селе.

«Февраль и утро. Снег и голубень...»

Февраль и утро. Снег и голубень.
Осевшие сугробы — кренделями.
Деревья, ожидая новый день,
Лучи хватают голыми ветвями.
Статичный воздух. Стынь и тишина,
Пейзаж дополнен снежной икебаной.
Мерцающая тайной глубина,
Свечение природы первозданной.
Белёсый берег, словно черновик —
Осмотришься — везде следы Господни,
И щурится река, и ловит миг
Рождения текущего сегодня.
И что-то формируется в душе —
(Похоже на смущение отчасти)...
И гонишь думы о былом взащей,
И сочиняешь будущее счастье.

«Когда метельно и дворами...»

Когда метельно и дворами
Шныряет ветер-пересмешник
И бойко шепчется с домами
О чём-то скрытом и нездешнем,
Когда, пытаясь лечь на крыши,
Кружится снег коловоротом,
Когда блажная ночь бесстыжа
И сны проходят мимолётом —
Блуждает в снежной круговерти
Твоя душа глухонемая,
Скользит легко по кромке смерти,
С настырным временем играя,
Сойдя с обочины Вселенной,
Ключи сакральные уронит...
И в прежний мир войдёт смиренно,
Переболев потусторонним.

«Отпрянет от окна пугливый день ...»

Отпрянет от окна пугливый день —
Утонет в сонме прожитых недель

И в прошлом затеряется до клика.
У памяти смятенны падежи —
Плетёт, плетёт сомнения души
Бессмысленно ночная повилика.
А город спит в объятых февраля,
Лишь бритые в нулёвку тополя
Бредут куда-то, тьмой прикрыв уродство...
Повсюду снег и нежится строка,
И ты уже во власти языка,
И щурится с обложки мудрый Бродский,
Ему известно — слово «никогда»
Измучит беспощаднее стыда,
Пугая устрашающим итогом...
Со Временем опасны кутежи,
Любимые уйдут в другую жизнь
И не вернуть, как ни общайся с Богом.
Душа молчит. Прощён был, кто ушёл.
Остались — лёгкий ветер за душой,
И прелый запах облетевших вишен...
Ещё — свобода, словно оберег,
И этот бесконечный колкий снег,
Да милости, обещанные свыше.

«Молчит февраль — меланхоличен...»

Молчит февраль — меланхоличен.
Сорваться бы метелью колкой
На хрип, на крик, на гомон птичий...
Потом рассказывать о личном,
О том, что в расставаньи долгом
И в немоте усталых буден
Зудят непрошенные судьи
И распаляются без толку.
Что до тебя дожить непросто,
Когда насквозь года песочны,
И мир — огромный рясный остров,
Погрызший в крайностях и лоске,
К обоим намертво пристрочен...
Сорваться бы, стирая темень,
Но безысходно тает время,
Теряясь в сонме многоточий...
Молчит февраль.

«Душа, не печалься, грустить не пристало...»

Душа, не печалься, грустить не пристало,
Мы жизнь не просили займы,
Смотри, как морозцем ночным обметало
Бесцветные губы зимы.
Стачали нам годы по выкройкам божьим —
Протест не предъявишь творцам...
Займёмся работой — собьём осторожно
Вчерашнюю наледь с крыльца,
И выберем время к себе воротиться:
Быльём обросли по глаза —
От этого вороха память слезится
И просится под образа.
Черпнём из колодца водички студёной —
Пусть горло ледком обожжёт...
Весь день суетится февраль неуёмный —
И сыплет, и сыплет снежок.
Понятен и прост катехизис природы —
За стужей придёт тепло.
Не кисни, душа, прибавляй обороты,
Со мною тебе повезло!

«Приеду с рассветом (позволю каприз)...»

Приеду с рассветом (позволю каприз)
В родное село из бревенчатых изб —
Здесь хлебные запахи воздух пьянят,
И утро в туманной одежке до пят
Неспешно гуляет по низким дворам.
Собаки не брешут и спит детвора...
Из дома соседнего выглянет дед,
Узнав, прокартавит: «Тамарка, привет!».
В печурке огонь разведу, не спеша,
И нежностью долгой зайдётся душа...
Из вызванной памяти выну денёк,
Где дом полон смеха и жив мой сынок...
Не знаю, чем жизнь отмеряешь, Господь —
Одним — до отказа, другим — на щепоть,
Но верится — истину небо таит
И там не обижены дети твои.
...Пожалуй, ещё занести надо дров —
Февраль... Начинается время ветров.

«Зима. Февраль. Ещё не тает снег...»

Зима. Февраль. Ещё не тает снег

И продолжает обживать карнизы.
Почти по всей раскидистой стране
Зимы скаженной вздорные капризы.
Застой в чередовании полос —
Блокированы грани перехода.
Душа молчит, её анабиоз
Вполне понятен в это время года.
Блаженна тишь и томный ток в крови —
Есть что-то сокровенное в покое,
Но время обновиться норовит
И тишину сбиваешь поневоле...
Сойдешь с подножки — ветер по лицу,
И, кажется, весна подходит к старту,
И, разметая снежную пыльцу,
Поток машин летит навстречу марту.

«Был февраль и вышел весь...»

Был февраль и вышел весь,
При прощании не плакал —

Обошёлся без словес,
Без чернил и Пастернака.
Стаял выболевший снег
С орфографией пернатых,
И чернеют в стороне
От большой дороги хаты...
Ветер — фокусник и плут —
Пузыри гоняет в лужах,
Быть весеннему теплу —
Зимний численник контужен.
Межсезонье, выбор смен,
Трансформация, починка...
Ждёт желанных перемен
Терпеливая глубинка.
По утрам ещё ледок,
Но разбужена земляница,
И глубокое гнездо
Вьёт саврасовская птица.

«Пока скрипит перо с доверием к бумаге ...»

Пока скрипит перо с доверием к бумаге —
Торопится строка предугадать ходы :
Что свой финал зима отметит белым флагом
И снег заговорит на языке воды,
Что бледный небосвод подкрашен будет синим,
И нежные цветы наш сад распустит в срок,
Что пальцы будут ныть у Господа по глине,
Но сдержится Творец — печален был урок.
Вращается Земля, ломая ледоставы...
Случайной жизни дар успеть бы осознать...
И поздний твой звонок считать пустой забавой,
Когда б не этот снег, когда бы не весна!

«Привереда-зима напоследок разгульна...»

Привереда-зима напоследок разгульна,
Между тем, педантичное время не терпит:
Наливается розовой кровью багульник
И к пасхальным обрядам готовится верба.
Прошлогодней тропинки чернеет полоска,
О случайном прохожем трезвонит сорока,
И толпятся дубки в грязно — рыжих обносках
В ожидании животворящего сока.
Ослабевший февраль вязнет в рыхлых сугробах,

Плавит солнце пласты отболевшего снега...
Ни беды, ни хандры, ни сердечных ознобов —
Лишь целебная просинь ожившего неба.

«За окнами стыло. Картина...»

За окнами стыло. Картина
Невзрачна, сонливо село,
И мягким глотком капучино
Домашнее ловишь тепло...
Февральские тезисы. Смят и
Подмочен зимы гобелен —
Чернеют неровные пятна
Проталиной в снежной золе.
Промозгло и зябко. Простуда.
Сугроб восковой под столбом
Застыл и сидит, словно Будда
В раздумьях у дерева бо...,
Весь опыт его — дух метельный
И снега стихийный транзит...
До робкой весенней капли
Не раз ещё ветер съязвит,
Гоняя по улицам стужу
Под флагом шальных непогод,
Но первую корочку лужи
Уже раздавил пешеход.

«Скользит по насту февральский вечер...»

Скользит по насту февральский вечер.
Закатной краской забрызган запад.
Сойдёт к финалу воронье вече —
Галдёж заглохнет и тихой сапой
Вползёт в округу тугая темень,
Минуя нимбы фонарной свиты.
Жизнь колготится, сквозное время
Не ощущая в застенках быта.
Для новой боли приспеют будни —
Земля по кругу летит проворно,
Усилен опыт и в том, что будет —
Несложно выбрать из плевел зёрна.
Чем ближе к яви, тем тоньше грани
Наитий странных и безусловных,
Пора сдаваться в плен ожиданий —
Без предвкушений весна бескровна.

Сезон к замене, февраль на роздых —
Для эпилога готовит слово.
Дежурный вечер. Синее небо
И над селеньем луна — обновой...

«Продут сквозняками февраль...»

Продут сквозняками февраль,
Гнездится в глухих подворотнях.
Зиме, вероятно, не жаль
Что дни исчезают, охотней
В лянных сугробах сидит
И точит материю снега.

Сойти бы с холодных орбит
Протяжного зимнего трека,
Но мёрзнет ещё бытие,
Шатается мир под ветрами,
Желаемый рай — в забвенье
И прячется за облаками.
И слушаешь время. Рубеж
Развязки уже узнаваем,
Рассвет удивительно свеж,
На хлипкий сезон не взирая.
Пичуги в разборках блажат —
За окнами тенькают тонко,
И грезит полётом душа
И жмётся к сердечку ребёнком...

«Дни выходят за рамки клише...»

Дни выходят за рамки клише,
Обнажаются пролежни снега,
И зима завершает фуршет,
Ублажая подмокшее эго.
Топит луч белокровие льдов
Суею ежедневного рейда,
Участились разборки котов
На заборе у дядюшки Фрейда...
Набухает под стылой землёй
Искупление временной смерти...
И проявится вдруг над водой
Индекс марта в прозрачном конверте.

Весенняя триада

Март

«Мир перевёрнут, март настороже...»

Мир перевёрнут, март настороже,
За окнами смурно и безголосо.
Неладно, удручающе душе,
Уже не тянет к мировым вопросам.
На кухнях ищут правду короли,
Загружены весь день диваны быта,
И пылок спор, который веселит —
Какаямышь приматами убита...
Отсылка к рукокрылой, как пример,
Умышленно размыть приметы краха —
Смещение сердец, влияний, сфер,
В пространстве напряжения и страха —
Такое вот у времени кино
С его непредсказуемым финалом.
Не развязаться с веком и грешно
Вступать в разлад с небесным персоналом.
Молюсь на всякий случай, ибо грех
Известное местечко обеспечит.
Храни, Господь, всех близких мне и тех,
Которых никогда уже не встречу...
Пророки проявляют слабину,
Стратеги, как ни странно, близоруки,
А жизнь всю штудирует весну,
Минуя все пороги и недуги.

«Зима разорилась, ушла с молотка...»

Зима разорилась, ушла с молотка,
Заботами март перегружен.
Игриво толкуются гуртом облака,
И весело плещутся в лужах.
И мир принимается глубже дышать,
Дивиться, что жизнь деликатна...
И чувствуешь, как удаляет душа
Свои застарелые пятна.

«Просторное утро, поют провода ...»

Просторное утро, поют провода —
Гудят по навеянным нотам,
Под снегом осевшим стрекочет вода,
Раскрылся прострел желторотый:
Подставил под солнце мохнатый свой бок
И шурится подслеповато,
Услужливый ветер к лицу холодок
Подносит, слегка горьковатый...
Читаешь у марта господний прогноз,
Начертанный веткой кедровой,
И чувствуешь остро, как тянется в рост
До времени скрытое слово.

«Только выйдешь за дверь — ветер кубарем в ноги...»

Только выйдешь за дверь — ветер кубарем в ноги,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.